

УДК 316.455

Н. Н. Кузьмин

**ТИПОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА:
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА, МОДЕРН, ПОСТМОДЕРН**

Эмпирические формы взаимоотношений власти и общества необычайно разнообразны. Осмысление этого разнообразия требует определенной классификации, но работа эта неблагодарная: в океане культурных, социальных эмпирических фактов всегда можно найти примеры, якобы фальсифицирующие типологическую концепцию. Тем не менее, рискнем предложить типологию взаимоотношений власть – общество.

Отношения власти и общества составляют очень важную часть социальной реальности, конституируют огромное количество социальных фактов. В типологии «закрытое – открытое» общество именно эти взаимоотношения являются главными. Радикальное изменение социальных отношений, как правило, сопровождается более или менее радикальными трансформациями взаимоотношений власти и общества. *Цель и задачи* настоящей статьи – рассмотреть особенности взаимоотношений власти и общества на различных этапах социально-политического развития и выявить типы таких отношений. *Актуальность* работы в первую очередь в том, что для современного общества характерны процессы радикальных социокультурных трансформаций, в полной мере проявляющихся и в политической культуре.

Поскольку существуют разные социокультурные формации, культуры, общества разных типов, постольку должны существовать типы данных взаимоотношений. Наиболее общей типологией является различение трех этапов социокультурного развития: традиционного общества, современного общества и третьего типа, формирующегося у нас на глазах, адекватного и общепринятого названия у которого пока нет. Поскольку термин «постсовременное» общество в русском языке неестественен и вызывает закономерный сарказм, согласимся с бытующим «затемнением» ситуации и будем называть его обществом постмодерна, а предшествующую социокультурную формацию – модерном. Энергию критиков попробуем направить на благое дело поиска более удачной терминологии.

Другое терминологическое замечание. Поскольку понятие общество, как правило, указывает на пространственно ограниченное и обладающее механизмами саморегуляции социальное образование, – целесообразно по отношению к вышеназванным этапам использовать понятие культура. В рамках каждой из этих культур существует множество обществ. Итак, остановимся на следующей терминологии: традиционная культура, культура модерна, культура постмодерна.

Чем же отличаются взаимоотношения власти и общества в этих культурах? Попробуем дать краткое описание каждого из типов. Наиболее трудно обобщить фак-

ты традиционной культуры. Во-первых, потому, что традиционная культура охватывает огромный промежуток времени, по сравнению с ней культура модерна не более чем эпизод в истории человечества. Во-вторых, за время развития традиционной культуры отношения общества и власти претерпели множество изменений. Чрезвычайно трудно отыскать инвариант, объединяющий родовые общины, общества военной демократии, восточные деспотии, республики античности и сословно-представительские монархии европейского средневековья. Поэтому попробуем изъять из анализа те общества, где политическая власть еще не выделилась в отдельное начало социальной жизни и не стала самостоятельным источником социальных отношений. Мы сразу лишаемся обществ, где господствуют родоплеменные отношения. Далее, зададим себе вопрос: насколько типичны отношения власти и общества, сложившиеся в ряде полисов классической Греции, таких как афинский? Очевидный ответ – что, несмотря на огромное историческое значение политических новаций античности, они представляли собой незначительный западный маргинализ в среде глобального Востока.

Итак, у нас остались более типичные примеры развитых обществ традиционной культуры: это деспотические монархии Востока, сословно-представительские монархии и олигархические городские коммуны европейского средневековья. Выскажем заведомо спорное мнение, что главной общей чертой этих обществ в контексте взаимоотношений власти и народа была определенная независимость жизненного мира власти и жизненного мира остального общества. Наиболее ярко это проявилось в государствах востока, которые можно считать хрестоматийным примером такого рода отношений. Сакральный характер власти подчеркивал ее потусторонность для повседневной жизни рядовых членов общества. Именно отношения такого рода носили преобладающий характер. Общим для политической жизни обществ традиционной культуры было то, что народ жил сам по себе, воспринимая власть как нечто независимое от него; власть, в свою очередь, относилась к обществу как материалу с определенными свойствами: использовала народ, но не пыталась его изменить. Поэтому в жизненном мире людей традиционной культуры центральная государственная власть почти не присутствует. В свете этого не удивителен факт, что крестьяне Турции еще в 60-х гг. XX в. на вопрос «Кто возглавляет государство?» – уверенно отвечали: «Султан» [2, с. 28].

Рождение культуры модерна совпало с образованием государства современного типа и теорий, обосновывающих это государство. Среди многообразия теоретических построений в европейской политической мысли конца XVI – XVII вв. выделим главные для нас идеи: народ как источник суверенитета государственной власти, договорная теория происхождения государства, наличие неотъемлемых прав человека [7, с. 614]. В них нашло свое отражение изменение отношений власти и общества: власть перестала восприниматься как нечто независимое от социума. Представления о том, что власть имеет свой источник в народе, что она имеет определенные обязанности перед ним, подотчетна обществу, стали основой современной либеральной демократии. Позднее в культуре модерна возникают идеи, согласно которым власть является активным началом в социальной жизни.

Вершиной реализации этих интенций стала концепция государства благоденст-

вия 60-х гг. прошлого века. В ней наиболее ярко проявилась противоречивость политических установок модерна, ставшая причиной социально-политических катаклизмов, сотрясавших Европу с конца XVIII века. С одной стороны, власть обязана обеспечить народу «благоденствие», с другой – для реализации этой цели ей приходится активно вмешиваться в повседневную жизнь людей. Глобальное перераспределение валового внутреннего продукта посредством социальных программ – лишь часть такого вмешательства. Предметом заботы государства стали сферы, неведомые в традиционной культуре: трудовые отношения, сфера образования и здравоохранения (государство не только дает на это деньги, но и определяет, что мы должны учить и как лечиться), наука и т.д. Образно говоря, государство модерна, в начальный период своего существования выполнявшее роли юриста, полицейского и солдата, в течение XIX – XX вв. стало, по совместительству, экономистом, врачом, учителем и обобщенным носителем культурных качеств в виде концепции национального государства.

Сформулированная еще Дж. Локком идея об обеспечении прав и свобод граждан как главной функции государства красноречиво подчеркивает активную роль государства в социальных процессах. Полемика Т. Гоббса и Дж. Локка о том, распространяется ли власть государства на умы подданных, их верования и идеологические предпочтения, показывает, что различие методов осуществления политической власти в модерне не означает различия направлений властной деятельности (государство Гоббса обеспечивает единство веры, государство Локка – обеспечивает свободу веры). Образно говоря, противостояние открытого и закрытого общества в модерне локализуется в области дверного проема. На таком понимании основывается критика модернистского либерализма и других идеологических построений культуры модерна. Дж. Грей убедительно показал, что проповедь свободы в современном либерализме сочетается с навязыванием четко определенной доктрины свободы, основывающейся на исторически и культурно ограниченном толковании социального и политического субъекта [3, с. 13-67].

Из активной роли политической власти в социальной жизни с необходимостью следует идея о всеобщем равноправии: социальная инженерия возможна лишь по отношению к идентичным объектам, эффективное управление миллионами индивидуальностей технологически невозможно. В традиционной культуре государственная власть с легкостью мирилась с плюрализмом жизненных миров, поскольку не претендовала на их изменение. Всеобщая декларация прав человека, единые нормы международного права, с одной стороны, и идентичные товары и услуги по всему миру, с другой, непосредственно коррелируют друг с другом как порождение общего культурного архетипа модерна.

Данный исторический экскурс предваряет попытку решения главной задачи работы – анализ особенностей взаимоотношения власти и общества в постмодернистской культуре. Естественно, такой анализ должен основываться на понимании специфических характеристик культуры постмодерна.

Если культурологической характеристикой личности, присущей традиционным обществам, можно считать вовлеченность, партиципаторность, а модерна, наоборот, отчужденность, то постмодерн рождает личность, которой свойственна некая неоп-

ределенность, разорванность бытия [4, с. 414-416]. Поэтому неопределенным для социального субъекта постмодерна будет и его отношение к власти. Человек в постмодерне определенным образом «ведет себя» по отношению к власти в зависимости от актуализации той или иной ипостаси своего бытия. Этому способствует и кризис метатеорий социальной и политической жизни в культуре конца XX века: у индивида постмодерна нет четких предписаний, общепринятых коллективных представлений, которые навязывались индивиду религиозными и мифологическими системами, метанарративами либерализма и марксизма.

Национальное государство, впервые объединившее политические и культурные идентичности в единую констелляцию, создало не виданную ранее степень мобилизации общества политической властью. Государство XIX – XX вв. смогло заставить людей умирать за себя. Кризис национального государства, характерный для нынешней эпохи, нашел свое выражение и в том, что государство перестало быть основой единства общественной жизни. «Отступление государства» привело к тому, что люди столкнулись с неопределенностью чувств преданности, лояльности, идентичности [10, с. 215]. А. Турен справедливо утверждает, что современное государство воспринимается не как «агент интеграции действующих лиц общества», а скорее как руководитель предприятия, верховный бюрократ [9, с. 48]. В самом деле, разве много сейчас можно найти желающих умирать за государство? Иное дело – пожертвовать благополучием (и даже жизнью) за этническую общность или религию.

Плюрализм жизненных миров, характерный для традиционной культуры, в постмодерне актуализируется в индивидуальном сознании. Иными словами, у личности постмодернистской культуры нет однозначного представления о функциях политической власти, ее роли в жизни общества. Кризис участия, «бегство с Агоры», по образному выражению З. Баумана [1], характерный для современной либеральной демократии, является кризисом только с ретроспективной точки зрения. Проявлять политическую активность в неопределенной среде неопределившимися индивидам, по меньшей мере, нет никакого смысла. То есть налицо не кризис, а новая культурная ситуация. Рискнем предположить, что в постмодернистской культуре степень политического участия будет изменяться волнообразно – то уменьшаться, то увеличиваться, в зависимости от ситуации. Будут ли эти изменения спонтанны или же станут представлять собой закономерные тренды – покажет время.

Для модерна характерна интенция к прозрачности, понятности, «расколдовыванию» (М. Вебер) мира, которая в сфере политических отношений нашла свое выражение в принципах открытости, подконтрольности власти. Действия власть предержащих претендовали на всеобщую рациональность, обосновывались «научно». Эта интенция одинаково проявлялась как в марксизме, так и в либерализме. В постмодернистской культуре наука резко снижает свой статус: темы, направленность научных исследований все менее понятны, и поэтому их значимость для рядового обывателя резко снижается. Более того, люди перестают доверять науке (паническое неприятие генетически модифицированных растений тому пример). Отсюда –

снижение доверия к действиям власти: с одной стороны, у нее нет ни сакральной, ни научной обоснованности, с другой – ее деятельность в «непрозрачном» мире все менее понятна.

В современном мире центральной темой политики оказывается экономика, объяснить же рядовому обывателю рациональность экономических действий правительства невероятно сложно. Экономика при этом претендует на статус, близкий к естественнонаучным изысканиям. Но непосредственно влияющие на повседневность экономические события (кризис в Юго-Восточной Азии 1997-98 гг., обвал на фондовом рынке компаний) экономическая наука не смогла предотвратить. Получаем некую цепь несоответствий практики ожиданиям. Рядовые члены общества, находясь в плену модернистских установок, требуют от правительств обоснованности экономических действий и предсказуемости их результатов. Те, в свою очередь, вынуждены действовать в неопределенной и хаотичной среде международной экономики, действия субъектов которой в основном носят реактивный характер и объясняются лишь ретроспективно и средствами языка «научной» экономики. Ожидание понятности и фактическая необъяснимость – основной культурный конфликт современной переходной эпохи.

Такова оценка особенностей политической культуры постмодернизма с точки зрения поведения рядовых членов общества. Какие же изменения характерны для власти? Можно констатировать факт, что политическая власть на рубеже тысячелетий все менее и менее чувствует себя обязанной обществу. Главным направлением ее деятельности в сфере установления контактов с обществом стали различные манипулятивные технологии. Нынешние политики, как римские авгуры, сами не верят в провозглашаемые ими принципы. Мы сейчас являемся свидетелями, как в сфере публичной политики продолжается инерция модерна, реальная же политика творится по совершенно иным правилам. Думается, что степень искренности публичного выражения основных принципов политической деятельности у нынешних политиков несравнима ни с Рузвельтом, ни с де Голлем, ни с Лениным, не говоря уже про творцов Великой французской революции, отцов-основателей США и других великих государственных деятелей модерна.

Но этот процесс можно охарактеризовать как кризис старого. Что же появилось нового в постмодернистской политической культуре? Политический мир модерна был четко структурирован из отдельных государств. Одним из первых нововведений в сфере политической теории модерна было учение о государственном суверенитете Ж. Бодэна (конец XVI в.) В первой половине XVII в. рождается его закономерное продолжение – учение о международном праве Г. Гроция. Таким образом, международные отношения модерна – это сфера взаимодействия по определенным правилам отдельных коллективных субъектов-суверенов. Поскольку источником суверенитета был объявлен народ, то международная политика, естественно, должна строиться в интересах этого народа.

В конце XX в. международные отношения превратились в самодовлеющую реальность, зачастую конституирующую политику внутреннюю. Одновременно субъекты внутренней политики все чаще выходят на международную арену. Транснациональные корпорации, выступающие в качестве самостоятельных агентов соци-

ально-политических процессов, – это наиболее яркий и устоявшийся пример. Кроме него, мы имеем международные отношения отдельных внутригосударственных регионов*, международные социальные движения, стремительно интернационализирующуюся образовательную систему. Все это подчеркивает нарастающую зависимость политической власти в государстве не от внутренних, а от внешних факторов и, соответственно, дистанцирование власть предержащих от своего народа. Не случайно самое активное социальное движение на рубеже тысячелетий – антиглобализм – пытается оказать давление в первую очередь не на национальные правительства, а на международные организации. Преобладающее влияние внешнеполитических факторов делает внутривластную жизнь все более хаотичной и разнонаправленной, не обусловленной четко прописанной концепцией государственного строительства.

3. Бауман видит сущность эпохи постмодерна в переходе от «законодательного» разума к «интерпретирующему» [2]. Конечно, данный процесс можно оценивать как некое восхождение. Но более точным будет понимание, что выход на первый план интерпретации есть следствие утраты метанарративов, служивших своеобразными катехизисами, кодексами, дававшими полное понимание всех социальных, политических, экономических процессов и явлений. Современная политическая культура является причудливой смесью консервативного традиционализма, либерализма и социализма, концепции которых одновременно присутствуют в политическом сознании субъектов и активизируются в зависимости от ситуации. В этом причина сближения программных установок различных политических партий: в такой ситуации неважно, что записано в программе, более существенной оказывается реакция на ситуацию**. Отсюда и утверждения, что в ближайшем будущем на смену партиям придут СМИ. Ведь их функцией непосредственно и является интерпретация, политические партии же, как дитя модерна, призваны проповедовать истину в последней инстанции.

Существенной чертой постмодернистской культуры является изменившееся отношение ко времени. Политическое сознание модерна четко структурировало прошлое и было нацелено в будущее. Настоящее было лишь этапом. В ситуации резкого усложнения текущей жизни, в условиях, когда в прошлом стало невозможно разобраться и дать общепринятую оценку историческим фактам, когда будущее неопределенно и пугает, настоящее становится не «мигом между прошлым и будущим», а привилегированной территорией [8]. Для власти важна не цель, а непосредственная ситуация. Отсюда вытекает отсутствие ограничения власти как «заветами предков», так и целевыми установками. В свою очередь, людям нечего предъявить такой власти, и они сосредотачиваются на собственной биографии.

Из описанных выше характеристик культуры постмодерна следует, что ключевым понятием для осмысления отношений между властью и обществом является понятие ситуации – как изменчивого состояния, зависящего от иных ситуаций и

* При Еврокомиссии с 1992 г. действует комитет регионов (COR), в состав которого входят 192 члена, в Совете Европы зарегистрированы 235 регионов, сотрудничающих между собой [5, с. 90].

** в этом смысле показательным является выбор украинской партией «Яблоко» в качестве политической программы стихотворения.

реагирующего на них. Преобладающей характеристикой отношений власти и общества в культуре постмодерна оказывается ситуативность, непредопределенность. В современном обществе отсутствует некий центральный конфликт, конституирующий развитие общества (в прошлом это были конфликты между феодальной аристократией и буржуазией, между трудом и капиталом, между наднациональной властью и национальными движениями). Такой конфликт выступал в качестве некоего метанарратива, в контексте которого понимались все социокультурные факты (обвинения произведений искусства в политической ангажированности тому пример). Современность характеризуется, с одной стороны, большим количеством конфликтов, а с другой – их децентрализацией, неспособностью потрясти все общество [9, с. 139-140]. Такая характеристика социальных конфликтов современности подчеркивает ситуативный характер социально-политической жизни.

Эти отношения могут приобретать различный характер, который имеющимися средствами социального и политического анализа предсказать и объяснить довольно сложно. Нынешние политические события, особенно в плане реакции людей на действия власти, зачастую необъяснимы для науки, выросшей в среде модерна. Отсюда закономерен вывод, что не нужно бояться смелых и необычных комментариев и предсказаний: они могут оказаться гораздо более адекватными ситуации, чем стандартные рассуждения. Социальные и политические науки в настоящее время не обладают исследовательским инструментарием, позволяющим выйти на широкие теоретические обобщения социально-политических процессов, характерных для культуры постмодерна. Но тем интересней оказываются эти процессы и тем заманчивей видятся исследовательские перспективы.

Это один вывод. И другой: государственная политика должна строиться на новых основаниях, попытки и дальше реализовывать установки модерна изначально обречены на неудачу. Этот тезис в первую очередь актуален для молодых государств, не обремененных инерцией уходящей политической культуры. В современной социокультурной ситуации бесполезна игра «догоним и перегоним», необходимо выбирать новый путь, тем более, что резкие повороты лучше получаются у небольших автомобилей. Роскошные лимузины, загруженные бараклом прошлого, обречены катиться по автостраде, ведущей в никуда.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.
2. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. – 1993. – №3.
3. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. – М.: Праксис, 2003.
4. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М.: Логос, 2000.
5. Козлов И.Ф. Глобализация и регионализация в современном мире // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2001.
6. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997.
7. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1996.
8. Монгардини К. Культура настоящего: изменение отношений в эпоху позднего модерна // Социологический журнал. 1995, №2.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. – М.: Научный мир, 1998.
10. Фергюсон Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы. – М.: Гардарики, 1998.

Поступило в редакцию 29 июня 2004 г.